

И. Л. СНЕГИРЕВ

Материалы к историческому определению древнеегипетского языка

Осторожно, коллеги дорогие, осторожно, как бы с вашей хваленной осторожностью не замереть окончательно и потомственно в стоячем болоте. (Н. Я. Марр. Карфаген и Рим, стр. 379).

«Мертвецы хватают живых... крепко держат их в своих костлявых объятиях». Именно так обстоит дело не только в кругах буржуазной науки, но, к несчастью, и у некоторых наших советских специалистов, работающих в области изучения мертвых языков. Такое положение весьма характерно для отживающей буржуазной лингвистики, стоящей прямо или косвенно в связи с индоевропейской теорией, «научно» обосновывающей «избранность» и «призванность» кучки империалистических Kulturträger'ов капиталистического мира, идущих нога в ногу с хищническим грабежом и угнетением национальностей колониальных и полуколониальных стран.

Обыкновенно такой исследователь, погружившись в специальные штудии какого-либо мертвого письменного языка, обычно попадающего в круг исследования ввиду вхождения его прошлых носителей в той или иной мере в орбиту специфически строяемой европейской Weltgeschichte, в которой не остается места культурам так наз. отсталых, или, правильнее, инокультурных народов, совершенно забывает, что изучаемый им язык есть конкретный этап в едином процессе развития звуковой речи, что он исторически стоит не только в связи с какой-то группкой опять-таки мертвых языков, но и с до сих пор живущими, архаическими по своему строю, бесписьменными языками. При этом совершенно на задний план отходят факты просто географического, территориального порядка. Конкретно так обстоит дело при современном уровне развития изучения исторического прошлого северовосточного участка африканского континента — Египта. То, что

Египет находится в Африке, этого, конечно, формально ни один современный западноевропейский египтолог не отрицает, но это и все. На деле Египет существует сам по себе, а Африка сама по себе. Это проявляется как в отдельных вопросах социально-экономического развития Египта, особенно древнейших периодов, так и в области изучения древнеегипетского языка.

Современное положение египтологии характеризуется определенно состоянием кризиса, методологической растерянностью и путаницей, вполне отвечающей, впрочем, общему состоянию зарубежной науки. Несмотря на ряд крупных достижений в области формального понимания и доступности древнеегипетских письменных источников и открытия целого ряда совершенно новых фактов в области истории материальной культуры, мы в целом должны констатировать определенно регресс в постановке общих и в первую очередь генетических проблем. Как это ни странно, восьмидесятые годы прошлого столетия — Первый интернациональный конгресс ориенталистов 1873 г. ближе стоит к нам, чем многие высказывания современных исследователей. Достаточно, например, сравнить доклад, читанный Birch'ом, о происхождении египетской культуры¹ с постоянными высказываниями о бесконечных миграциях, созидающих египетскую культуру, английского же археолога Fl. Petrie.² Именно Fl. Petrie следовало бы хорошо помнить слова Birch'a, сохраняющие по сие время всю свою силу, что «il n'existe pas un seul renseignement historique, ou mythologique d'une émigration lointaine, qui pourrait avoir transporté le germe d'une nouvelle population sur le sol de l'Égypte. L'examen ethnographique et physiologique des momies prouve seulement une différence de type, qui suit la localité ou le temps».

Точно так же и докладу Rochemonteix³ о грамматических отношениях египетского к берберскому⁴ противостоят слова столпа западноевропейской египтологии — Ad. Erman'a о невозможности привлечения материалов живых африканских языков к проблемам древнеегипетского языка.⁵

¹ Sur l'origine des Égyptiens, par le dr. Samuel Birch (Congrès intern. des orientalistes. C. R. de la Première Session — Paris, 1873, tt. I et II, p. 61, Paris, 1876).

² Одна из его попыток уже получила достаточный отпор со стороны И. И. Мешанинова в статье «Египет и Кавказ». Баку, 1927 (оттиск из Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана).

³ Ibidem, стр. 65.

⁴ Sur les rapports grammaticaux, qui existent entre l'Égyptien et le Berbère, par marquis Maxence de Chalvet de Rochemonteix (Congrès intern. des orientalistes..., p. 66).

⁵ Ad. Erman. Ägyptische Grammatik, 4 Aufl. 1, Berlin, 1928.

Единичные исследователи вроде Leo Reinisch'a,¹ пытавшиеся разрушить традиционные рамки исследовательской работы над мертвыми языками и создать здоровое начало подлинно плодотворной работы над живыми и мертвыми языками, или замалчивались замкнутой кастой узких специалистов, или в отношении их ограничивались совершенно безответственными высказываниями, из которых отчетливо явствовало, что за деревьями осторожные скептики не видели леса.²

Единственно возможный и правильный путь, при котором только и допустима работа над чрезвычайно ценным материалом мертвых языков, это постоянная увязанность с теми или иными живыми группами бесписьменных языков. Правильно проведенная увязка, например, древнеегипетского языка с современными бесписьменными языками национальностей Африки, дает чрезвычайно ценные данные для всестороннего понимания явлений этих языков, которые коренятся в длительном, подсчитанном десятками, сотнями тысячелетий, пути их развития. С само собою очевидной поправкой можно сказать, что весьма многие живые языки по своему характеру являются современниками вымерших сейчас письменных языков и даже их предшественниками. Поэтому не сомнителен, а с очевидностью необходим такой путь изучения мертвых языков.

В этом плане работы как раз и будет осуществляться ленинский принцип подхода к проблемам общественных дисциплин. Новым учением о языке выдвигается требование палеонтологического, собственно исторического подхода к языковым фактам, целиком отвечающее словам Ленина о том, что «самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык, подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».³

¹ Напр. его работа «Das persönliche Fürwort und die Verbalflexion in den chamito-semitischen Sprachen». Wien, 1909 (Akad. d. Wiss. Schriften der Sprachkommission, B. I) и сопоставление материалов египетского языка с Сахо (Wörterbuch der Saho-Sprache. Wien, 1890).

² Я имею в виду работу F. Lexa «Comment se révèlent les rapports entre les langues hamitiques, sémitiques et la langue égyptienne dans la grammaire des pronoms personnels des verbes et dans les numéraux cardinaux», 1—9, стр. 4, прим. 4.

³ Ленин. Лекция о государстве. Новые статьи и письма, вып. I, изд. 1930, стр. 94.

Этому как раз и отвечает положение нового учения о языке, что «общие положения важны не как отвлеченность, а как органически вытекающие из фактов в их изменчивых социальных взаимоотношениях не только в пространстве, но и во времени, ибо всякие языковые явления — прежде всего историческая ценность, т. е. продукт исторического процесса. Интерес наш к фактам не завершается с установлением статичности, факт — видимость для нас становится фактом — реальностью лишь по уяснении динамической его роли в историческом процессе развития речи... Язык является лишь одним из тех привходящих элементов, без учета которых анализ исторического процесса, следовательно, сооружение исторических построений всегда открыто и незащищено перед всякими опасностями, а для некоторых эпох вовсе исключается, ибо язык не только просто один из элементов исторического процесса, но он единственный по показательности своей сигнализации, совершенно независимо от письменности, часто к тому же вовсе отсутствующей».¹

1. Класс и род (пережиток классовой системы имен)

Чрезвычайно интересным вопросом, стоящим в связи с историческим развитием социальных институтов, является в освещении нового учения о языке проблема класса и рода. Отбросив старый формальный, а в отношении рода просто биологический подход к языковым фактам, новое учение установило, что появление на определенном этапе общественного развития новой грамматической категории — рода отнюдь не связано и обусловлено биологическим осмыслением объектов и соответственно с этим отнесенiem их к тому или иному физическому полу, с соответствующим формальным закреплением в морфологии, а отражает общественную практику и зарождение в процессе социальных противоречий новых общественных форм доклассового общества.

Весь доступный нашему вниманию богатейший материал африканских языков, как, впрочем, и материал других языковых систем, несмотря на наличие ряда своих спорных и часто стоящих еще совершенно открытыми вопросов, целиком подтверждает это положение. Категория рода отнюдь не является их общим достоянием. Взятые в целом, в общих синтетических линиях, материалы африканских языков распадаются в основном на три крупные системы, которые одновременно должны рассматриваться, как три

¹ Н. Я. Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении афетической теории, 1930, стр. 7.

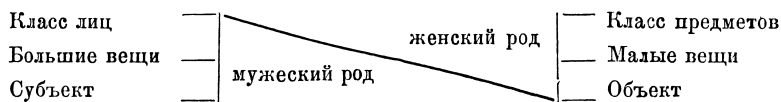
прогрессивные языковые стадии. Совершенно очевидно, что ни одна из них, т. е. ни суданская система, ни языки Банту и ни хамитская система не представлены в чистом монолитном виде.¹

Языки суданской системы не имеют специальных показателей рода. Физический пол выражается главным образом отличными словами, или представляемыми именами различного пола, как то, «мужчина», «женщина» и т. д. Напр.:²

tsú 'мужчина'	nò 'женщина'
avũtsú 'кобель'	avĩnò 'сука'
ĩĩ'tsú 'бык'	ĩĩnò 'корова'

Языки Банту в целом так же характерны отсутствием грамматического рода. Это конечно не значит, так же, как и в отношении суданских языков, что не существует в языке вообще различия пола. Оно есть, но не находит себе специфического отражения в морфологии.

Хамитские языки в числе прочих признаков, отличающих их от языков двух предшествующих языковых систем-стадий, имеют и морфологические показатели рода. Сам характер материалов этих языков заставил исследователей поставить вопрос о происхождении родовых показателей в связи с «классовым» делением имен.³ Достигнутые результаты постановки вопроса были сформулированы С. Meinhof'ом в следующей схеме:⁴

Настоящая схема, подводящая итог работы Meinhof'a по этому вопросу, может нас удовлетворить лишь отчасти, ввиду того, что она проводит слишком механическое деление и совсем не отражает исторической динамики развития родовых показателей. Но все же она чрезвычайно интересна в том отношении, что показывает, как исследователь, стоящий на позициях индоевропеизма,⁵ силой самого материала вынужден искать новых

¹ О разностадиальных элементах языковых систем — см. И. И. Мещанинов «К вопросу о языковых стадиях» (ИАН, 1931, стр. 857—883).

² D. Westermann. Die Sudansprachen. Hamburg, 1911; его же: „Die Westlichen Sudansprachen und Ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin, 1927.

³ С. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten, Hamburg, 1912, стр. 21.

⁴ Ibidem, стр. 24.

⁵ Методологические позиции Meinhof'a в разработке проблем языков Банту оказываются целиком индоевропейскими. Достаточно указать на тщательно разработанный им Urbantu. Турик, в который попадает исследователь, идя этим путем, прекрасно иллюстрируется работой Warmelo «Early Bantu Ethnography from a philological point of view» (Africa, vol. III, № 1, pp. 31—49).

путей работы и сложить в архив претенциозное связывание вопроса о происхождении грамматического рода с биологическим делением объектов. У него, наоборот, и с нашей точки зрения совершенно правильно, выступает на первый план функциональность родовых показателей в линии социальной значимости объектов. Чрезвычайно характерен в этом отношении приводимый Meinhof'ом по работе Reinisch'a пример из восточно-хамитского языка Бедауйе: там 'корова' *ša* является мужского рода, и это будет понятно лишь тогда, когда мы учтем, что она играет основную роль в общественном питании, которое главным образом состоит не из мяса скота, а из молочных продуктов; название же 'мяса' совпадает с названием коровы, но уже имеет женское оформление.

Вопрос о родовых показателях древнеегипетского языка рисуется в настоящее время в следующем виде: различаются мужской и женский род. Показателем женского рода является суффикс Δ — *t*, а имена мужского рода большей частью остаются без специального показателя, но все же ряд примеров указывает на — *w*, как показатель мужского рода. Это, как ни странно, необходимо теперь отстаивать. На примере с родовым показателем очень ярко вскрывается необходимость проверки общих заявлений того или иного западноевропейского египтолога на оперировании им конкретным материалом. Если про Ad. Erman'a можно сказать, что он стоит на совершенно реакционной позиции в вопросе изучения древнеегипетского языка, точнее, отрицает необходимость постановки его проблем в связи с современными живыми бесписьменными языками, то казалось бы от A. Gardiner'a у нас должно было остаться совершенно другое впечатление. Он в вводной части своей грамматики подчеркивает, что определить окончательно характер древнеегипетского языка можно лишь в связи и после проработки его отношения к живым языкам хамитской системы. Но это заявление остается совершенно декларативным и, переходя к грамматическому роду, он на деле отказывается от тех положений, которые диктовались в свое время Ad. Erman'у самим фактическим материалом. Gardiner, по внешне совершенно непонятным причинам, отказывается от Δ — *w*, как показателя мужского рода, но внутренние причины совершенно ясны. Несмотря на свое заявление, он все время продолжает разбирать древнеегипетский язык, оглядываясь постоянно и исключительно на нормы семитских языков. В них имеется совершенно четкий показатель женского рода — *at*, а соответствующего египетскому показателю — *w* нет, и результат этого сказывается в замалчивании существования — *w*, как

показателя мужского рода в древнеегипетском, — факт, заслуживающий быть отмеченным.¹ По своей декларации Gardiner может быть поставлен гораздо выше Erman'a, но увы только по ней, а при разборе конкретного случая оказывается исследователем, активно отстаивающим нормы семитских языков для древнеегипетского и этим целиком примыкающим к ограниченному пути А. Ember'a.

Мы отнюдь не собираемся отрицать наличных фактов схождения древнеегипетского языка с семитскими, но решительно протестуем против такого исключительного подхода к языковым фактам. Мы не имеем никакого права включить древнеегипетский язык преимущественно в семитскую систему, так как имеющиеся расхождения с ней являются как раз примером схождения египетского языка с живыми хамитскими языками. Более того, мы не должны его изучать исключительно в пределах только хамитской системы, что являлось бы нормальным для старого учения о языке. Египетский язык не может быть включен просто в такую-то семью языков, но, как один из исторических этапов единого глоттогонического процесса, должен быть определен в линии схождения и расхождения не только с языками флективной стадии, в частности с хамитскими или семитскими, но и системами суданских языков и языков Банту.

Египетский язык не может представлять собою какое-то стабильное явление. В своем развитии он проходил многовековой путь стадияльного развития, жил и изменялся, как это нам рисуют египетские письменные источники, и плодотворно изучать его факты можно лишь вскрывая динамику их исторического сложения. Необходимо изучение фактов языковой стройки в их подлинном историческом развитии — в движении.

Как мы уже говорили выше, большинство имен мужского рода по сравнению с именами женского рода не имеет специального оформления, а показатель женского рода служит обозначением противоположного физического пола.

	
s 'мужчина',	s-t 'женщина';
	
sf 'сын',	sf-t 'дочь';
	
sn 'брат',	sn-t 'сестра';
	
ûbꜥ 'танцор',	ûbꜥ-t 'танцовщица';

¹ A. Gardiner. *Egyptian Grammar being an introduction to the study of hieroglyphs* Oxford, 1926, p. 34, № 26.

hm 'раб', hm-t 'рабыня';
 gyf 'обезьяна', ж. р. gyf-t;
 db 'гиппопотам', ж. р. db-t.

Но одновременно, на основании имеющегося фактического материала, мы вправе говорить о , как противоположном , показателе мужского рода:

yqr-w 'змея', ж. р. yqr-t;
 hf-w 'разновидность змей', ж. р. hf-t;

kk-w 'один из восьми пра-богов, персонифицирующих мрак';

kk-t 'его женское дополнение';
 dp-w 'судно', с женским оформлением dp-t.

С подобными же родовыми показателями имеется ряд имен, представляющих собою причастие действительного и страдательного залогов:

ywz-w 'наследник', ywz-t 'наследница', от ywz 'наследовать';

ydn-w 'заместитель, заступник', ydn-t 'заместительница, заступница', от ydn 'замещать';

wzb-w, wzb-t 'род одежды богов', от wzb 'очищать';

md-w 'слово, речь', md-t 'речь', от mdw 'говорить'.

Подобные же оформления на -w и -t мы будем иметь в относительных формах глаголов и именах числительных.

Указательные местоимения дают для женского рода прежний показатель -t, а для мужского рода -р. Так, ряд местоимений в значении 'этот':

Ед. число м. р. pn, ж. р. tn;

м. р. pw, ж. р. tw;

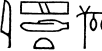

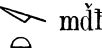
м. р. pf, ж. р. tf.

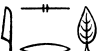
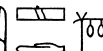

Равным образом такие же показатели имеет определенный член в новоегипетском языке, восходящий к древнейшему указательному местуимению:

Ед. число м. р. рꜥ, ж. р. тꜥ.

На основании вышеприведенного, мы, кажется, можем в утвердительной форме выставить положение, что показателем мужского рода является -w и р-, а женского рода -t, т-. В перечисленных примерах показатель рода повсюду выражал противопоставление полов, и этим, казалось бы, исчерпывалась его функция, но этим в действительности его функция не ограничивается.

Вопрос о функции родовых показателей в египетском может быть решен окончательно лишь после тщательной работы, требующей охвата всего фактического материала, но и сейчас, мне кажется, можно будет наметить правильное разрешение проблемы. Ряд слов дает нам указание на то, что суффикс -t отнюдь не является обязательным показателем физического пола:

 yzr-t 'роща тamarисков';
 ušd-t 'священное дерево в Илиополе';
 dny-t 'сосуд из камня';
 mdh-t 'тесаное дерево'.

Здесь он выступает определенно, как показатель специфичности, особой социальной значимости данных объектов. Мы ведь имеем и мужское оформление данных имен, но с иным уже значением. Показатель -t выделяет культовый характер yzr-t и ušd-t в противоположность вообще yzr 'тамариску', и ušd 'плодовому дереву', dny-t, как готовый продукт противопоставляется dny 'каменному блоку'; mdh-t тоже, как выработанный материал, едва ли ввиду его «пассивности», противопоставляется 'плотнику', mdh-w.

Кроме того, мы имеем еще один совершенно определенный класс слов, который также имеет суффикс -t или -wt и содержит понятие коллективности. Это будут различные названия 'людей', восходящие к древнейшим племенным объединениям архаического Египта:

 rmt-t;
 pꜥ-t;

Это заставляет нас признать суффикс -t своеобразным показателем множественности, классовым показателем коллектива, в первую очередь социального.

Обычным способом образования множественного числа в древнеегипетском является присоединение суффикса -w, часто не выписываемого, а в письме графического показателя множественности ꜥ ꜥ ꜥ. Отсюда для начальной стадии египетского языка мы должны констатировать совпадение доминантного на данном этапе показателя множественности -w с показателем мужского рода и показателя «множественности» -t, в именах формально единственного числа, с показателем женского рода.

Выше мы приводили несколько примеров, на основании которых можно как будто говорить об изменении рода в связи с изменением значения в линии перехода от единичного к множественному. Конкретно gmꜥ 'человек' (м. р.), gmꜥ-t 'люди' (ж. р.). Здесь естественно обратиться к живым африканским языкам.

С рядом языков хамитской системы у нас наблюдаются полные сходжения. Мы встречаем подобное египетскому различие двух грамматических родов путем суффиксации, но одновременно имеется и префиксация.

Так, в Шилх¹ женский род образуется путем префиксации или суффиксации t, или того и другого одновременно:

t-aggun-t 'камень';

t-áli 'овца';

ul-t 'дочь'.

Мужеский род образуется путем префиксации u, часто переходящего в w.

w-arzan 'оса'.

В Бедауйе² объект мужеского рода имеет показателем суффикс -b, женского рода -t.

В готтентотских языках показателем мужеского рода опять является -b, а женского -s:

Нама,³ ari-b 'кобель', ari-s 'сука';

beri-b 'козел', beri-s 'коза';

ao-b 'мужчина';

tara-s 'женщина'.

¹ Carl Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, S. 47.

² Ibidem, S. 140.

³ Meinhof. Lehrbuch der Namasprache. Berlin, 1905, S. 47; характеристику языка Нама с точки зрения нового учения о языке см. Н. Я. Марр «Готтентоты-средиземноморцы». ИАН, 1927, стр. 405—416.

Корана,¹ *goma-b* 'бык', *goma-s* 'корова';
gu-b 'баран', *gu-s* 'овца'.

В постановке новейшей африканистики, в связи с проблемой рода стоит и еще одно чрезвычайно интересное, но пока еще окончательно не разрешенное языковое явление, именно вопрос о поляритете, как его называет Meinhof;² явление, которое, например в Сомали, выглядит в следующем виде: имена, являющиеся в единственном числе мужского рода, во множественном изменяют род на женский и наоборот.

Для Meinhof'a разрешение вопроса изменения рода в связи с числом лежит в переходе от класса лиц в класс вещей и обратно. Таким образом показатель мужского рода в единственном числе мужчины является классовым показателем важности и социальной значимости отдельного индивида в противоположность группе, коллективу мужчин, который имел множественное число, в качестве толпы, в которой теряется личность, осмысливается, как вещь и получает показатель женского рода.³

Это объяснение Meinhof'a имеет совершенно ясный характер резкого противопоставления удельного веса в обществе личности, индивида, обществу коллективу, толпе (несомненно отражает современное направление мышления самого автора) и может быть правильным лишь для одного из этапов общественного мышления, находящего себе закрепление в данном языковом факте. Но при таком объяснении всего явления поляритета остается неясным, почему имена единственного числа женского рода во множественном числе делаются социально значимыми и получают мужеский род.

Мне кажется, что вышеприведенный материал древнеегипетского языка дает нам следующее направление к разрешению неразрывно связанных между собой генетических проблем рода, числа и явления поляритета. Беря вопрос в историческом разрезе, мы будем в праве сказать, что оформление «множественных» имен единственного числа, содержащих в себе понятие коллективности, отнюдь не случайное явление.⁴ Наоборот, оно именно в силу своей исключительности говорит за то, что этот показатель -t,

¹ C. Meinhof. Der Koranadialekt des Hottentottischen. Berlin, 1930, S. 35 (Beihefte zur Ztschr. f. eingeborenen Sprachen, Zwölftes Heft).

² C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten, S. 18.

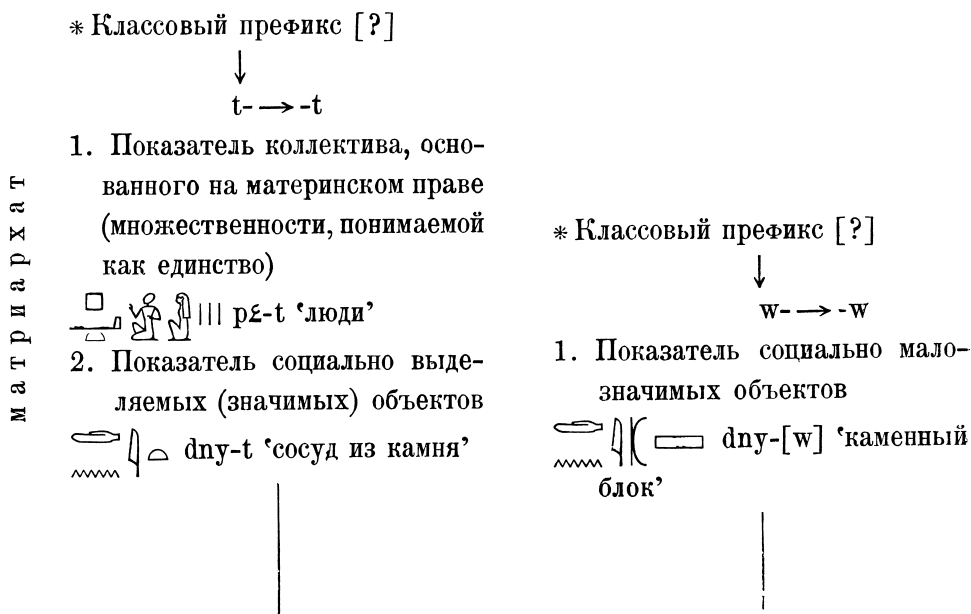
³ Ibidem, стр. 19.

⁴ Meinhof, разбирая грамматический род в вышеуказанной работе, сравнивает «unbestimmtes Komplex» в языке Нама с египетским образованием на -t (стр. 24 и прим. 3). Если в Нама показатель коллективных имен не совпадает с родовыми показателями, то этого никак нельзя сказать в отношении египетского, и выражение «unbestimmtes... wie im Ägyptischen» не соответствует действительности.

он же в лежащем перед нами этапе египетского языка показатель женского рода, исторически имел функцию обозначения общественного коллектива, понимаемого как единство, а не как совокупность отдельных индивидов.

На той же стадии, которую, по нашему мнению, будет характеризовать общественная организация, основанная на материнском праве, этот показатель, восходящий к пока нами невыясненному классовому префиксу, служит также обозначением социально выделяемых (значимых) объектов. Ему противостоит тоже восходящий к пока еще не выясненному классовому префиксу показатель -w, обозначающий мужескую группу и объекты второстепенной социальной значимости. Скачок в общественных отношениях, находящий свое закрепление в патриархальном родовом строе, сменяющем материнский, и так ярко отражающийся в идеологии (напр. в религиозных представлениях), находит свое выражение и в языке. Показатель -w уже обозначает коллектив, основанный на отцовском праве, и социальную значимость объектов (равно больших вещей), субъекта, а затем, в своем дальнейшем развитии, мужеский физический род. Показатель же -t, в противоположность -w, обозначает объекты второстепенной социальной значимости, объект и, наконец, женский физический род.

Для большей четкости я приведу в историческом разрезе мою рабочую схему функциональности родовых показателей:

п а т р и а р х а т

1. Показатель социально мало-значимых объектов (равно малых)
2. Показатель объекта
3. Показатель физического женского пола

 уqr-t 'змея'

1. Показатель коллектива, основанного на отцовском праве (показатель множественного числа)
2. Показатель социально значимых объектов (равно больших)
3. Показатель субъекта
4. Показатель физического мужского пола

 уqr-w 'змея'

Приведенные в настоящих строках соображения отнюдь не претендуют на окончательное разрешение проблемы. Они лишь дают попытку наметить новое направление работы, заменить прежний статический подход к фактам мертвого языка историческим, учитывающим подлинное динамическое развитие языка. В связи с этим следует, конечно, усилить разбор фактического материала схождений с хамитскими языками, но это уже дело дальнейшей проработки.

Ленинград
28 марта 1932.